

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

Susan Wise Bauer

**THE HISTORY
OF THE RENAISSANCE
WORLD**

Сьюзен Уайс Бауэр

ИСТОРИЯ РЕНЕССАНСА

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
Б 29

Susan Wise Bauer

THE HISTORY OF THE RENAISSANCE WORLD

From the Rediscovery of Aristotle to the Conquest of Constantinople

Перевод с английского *В. Гончарова, А. Немировой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

*Выражаем благодарность за помощь в переводе
В. Черных и В. Конкину*

Печатается с разрешения издательства
W. W. Norton & Company, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бауэр, Сьюзен Уайс.

Б29 История Ренессанса. От возвращения Аристотеля до завоевания Константинополя / Сьюзен Уайс Бауэр ; [пер. с англ. В. Гончарова, А. Немировой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 960 с.

ISBN 978-5-17-081399-5 (История в одном томе)
ISBN 978-5-17-110845-8 (Страницы истории)

История мира Ренессанса с XII века до середины века XV — от возрождения интереса к Античности, от Первых крестовых походов до падения Константинополя и конца Византийской империи.

В этой книге Сьюзен Бауэр продолжает широкими мазками живописать историю западных и восточных цивилизаций, как делала это в «Истории Древнего мира» и «Истории Средневекового мира».

Ее книги — не просто сухие факты, но подробный и яркий рассказ о внешней и внутренней политике государств эпохи Возрождения, об их литературе, религии и мифологии, повседневной жизни и системе управления.

Результатом становится потрясающая мозаика событий, свидетельств и документов, в которой в равной степени важен каждый элемент.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-17-081399-5 (История в одном томе)
ISBN 978-5-17-110845-8 (Страницы истории)

© Susan Wise Bauer, 2013
© Перевод. В. Гончаров, 2018
© Перевод. А. Немирова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Благодарности

Хочу поблагодарить коллектив издательства «У. У. Нортон» за все, что они сделали в поддержку не только настоящей книги, но и двух предшествовавших ей томов. Не могу перечислить здесь всех, но особенно хочу отметить Илин Ченг, Мелоди Конрой, Джулию Друскин, Райана Харрингтона, Билла Русина и Наоми Виктор. Более же всего я благодарна моему бессменному редактору Старлинг Лоуренс — которая помимо редактуры оказывала мне и моральную поддержку, всегда внимательно выслушивала меня, а в тяжелые минуты велела бросить хныкать и браться за дело.

Я многим обязана Стар и Дженни за их гостеприимство, вкусную еду, за столь необходимые порой крепкие напитки. Такой обширный проект, как этот, никогда не бывает делом одного человека. Благодарю также команду из Пис-Хилл: Джастина Мура, который знает больше исторических подробностей (и разнообразных интересных фактов), чем «Гугль»; Сару Парк, чрезвычайно умелую составительницу карт и еще более талантливую поэтессу; Ким Нортон, самого невозмутимого администратора во всей известной части Вселенной; Джеки Вайолет, чьи обязанности постоянно разрастались, но так и не лишили ее добродушия; Марка Хикса, который не дал хозяйству развалиться, пока я бродила по XIV столетию. Особая благодарность — Патрисии Уорт, моей ассистентке, способной организовать полет в Прагу, договориться о выступлении в школе, проверить качество белья в гостинице — и все это за один восьмичасовой рабочий день. И да, ей не нужно подыскивать себе новую работу.

Также спасибо Мелу Муру, Лиз Барнс и Аксе Фишер-Наклз за то, что все-таки отвечали на мои письма и телефонные звонки, даже когда я ужасно запаздывала с ними; Борису Фишману за то, что разделял мои профессиональные увлечения; Грегу Смиту за

постоянный интерес к моим трудам; Дайяне Уилер — просто за то, что она живет на этом свете.

Мое семейство все еще признает меня, несмотря на частые приступы кататонии, вызванные погружением в историю. Кристофер, Бен, Ден, Эмили! Я пеку *очень* хорошее печенье. Надеюсь, оно возместит вам необходимость много раз окликать меня, прежде чем я вынырну из глубин прошлого и спрошу: «Что?»

Джей и Джесси Уайс: вы научили меня читать — видите, что из этого вышло? Питеру: *Sumus exules, vivendi quam auditores**. Это все еще так — но не всегда.

* Занимаясь наукой, мы становимся изгнанниками (*лат.*).

Предисловие

Вскоре после 1140 года нашей эры итальянский ученый Герард Кремонский приехал на Пиренейский полуостров, надеясь найти здесь редкий экземпляр греческого сочинения по астрономии тысячелетней давности, известного под названием «Альмагест». Здесь он мог рассчитывать на удачу больше, чем где-либо еще в Европе. Южная половина полуострова уже несколько столетий находилась под властью арабов, и правящие династии мусульманской Испании способствовали переводу на арабский тысяч классических текстов, давно утраченных в оригиналах на языках Запада. В библиотеках города Толедо, в центре полуострова, хранилось множество ценных томов. Толедо же как раз недавно был отвоеван одним из христианских королевств Севера, а значит, у европейских ученых появилась возможность относительно безопасно добраться сюда.

Герард нашел куда больше, чем искал: не только тексты по астрономии, но и труды античных и арабских авторов по диалектике, геометрии, философии, медицине; неизвестные сочинения Евклида, Галена, Птолемея и Аристотеля — целую сокровищницу знаний. Потрясенный, он поселился в Толедо и взялся за изучение арабского языка.

«Сожалея о скудости латинян в этом отношении, — писал один из его учеников, — он выучил арабский язык, чтобы переводить [эти находки]... До конца дней своих он продолжал снабжать латинский мир (как будто своего любимого наследника) теми книгами, которые он считал самыми лучшими, по многим предметам, и делал это со всей доступной ему точностью и тщательностью»¹.

Так началось Возрождение.

Данная книга не является «историей Возрождения». Это скорее история *мира* в тот период, когда начал возрождаться интерес к наукам Античности — такой период выделяют многие историки, хотя отнюдь не все. Как показывает биография Герарда, подобный интерес возник гораздо раньше XIV столетия. Одним из первых итальянцев, обративших внимание на усиление интереса к науке греков и римлян, был поэт Петрарка, который в начале 1340-х годов констатировал, что поэты и ученые готовы вести города Италии к былой славе времен Рима. Античная наука впала, по словам Петрарки, во тьму забвения. Теперь настало время вновь открыть ее, обеспечить ее *возрождение*.

Петрарка добивался, пусть вполне вежливо и пристойно, однако весьма настойчиво, официального звания римского Поэта-лауреата. В то время это было не менее почетным отличием, чем сейчас — Национальная премия по литературе; оно являлось публичным признанием заслуг интеллектуала и его права претендовать на внимание к своим идеям.

В рамках своей «предвыборной кампании» Петрарка занял место лидера в уже давно идущем процессе. Со времен Герарда Кремонского (и даже раньше) западные ученые, по большей части итальянцы, работали в арабских библиотеках, заново знакомясь с трудами мыслителей Греции и Рима. Эти основополагающие интеллектуальные труды приобрели такой размах, что многие современные историки говорят о «Возрождении XII века». Иными словами, к 1340 году Возрождение развилось уже настолько, что стало видимым.

Исторические эпохи нельзя распознать, когда они начинаются; они становятся заметны лишь на расстоянии. Возрождение, как покажут следующие главы, уходит корнями в XII век. Именно в этот век началась борьба между церковными иерархами и Аристотелевой логикой, борьба, которая до сих пор продолжается в Соединенных Штатах, перевоплотившись в конфликт Священного Писания и науки, креационистской и эволюционной теорий — хотя на дворе уже XXI столетие.

На XII век приходится извращение идеи крестовых походов, взлет Плантагенетов, господство сегунов в Японии и проникновение ислама в Центральную Африку. Это был век многих возрождений, и именно с него я начну свой рассказ. Завершится он описанием штурма Константинополя в мае 1453 года — когда победа турок навсегда положила конец мечтам о господстве Рима.

Культурный феномен, именуемый итальянским Возрождением (Ренессансом), еще долго существовал и после 1453 года; но в этой книге я не касаюсь широко известных достижений последующего периода (политические трактаты Макиавелли, живопись Микеланджело и Рафаэля, изобретения Леонардо да Винчи, открытия Галилея). В мировом масштабе процесс возрождения к моменту падения Константинополя уже начал угасать, наступала новая эпоха.

Как и Возрождение, последующие эпохи также получили свои названия гораздо позднее. Но почва для Реформации была уже подготовлена, и семена ее начали прорасти; последователи английского ученого Джона Уиклифа и чешского священника Яна Гуса готовились восстать против власти Рима. Близилась эпоха Великих географических открытий. Всего через двадцать лет после падения Константинополя португальский капитан Жиль Эаннеш наконец-то обогнул мыс Бохадор и разведдал земли южнее него. Еще через десять лет после достижения Эаннеша принц Генрих Португальский организовал первый в Европе рынок рабов. Это событие было широко разрекламировано и способствовало более активному внедрению европейцев в Африку*.

Падение Византийской империи стало поворотной точкой в истории. Историк Кэролайн Финкель (*Caroline Finkel*) отмечает, что даже сами турки сокрушались по поводу падения Константинополя; османский летописец Турсун-Бей, единственный из турок, кто описал решающую битву, называет ее «подлинной пучиной бедствий, грозой, которую обрушил с небес сам Аллах».

Преобразование Константинополя в Стамбул стало и концом и началом, восклицательным знаком и новым параграфом в мировой истории. Но переход от Возрождения к следующему периоду эволюции человечества, пожалуй, еще более ярко озаменовали

* Мыс Бохадор (*Bojador*), ключ к морскому пути на юг Африки и в Индию, находится на побережье северной части Западной Сахары. Исчезновение многих европейских кораблей, пытавшихся обогнуть этот мыс (известно 15 попыток), породило легенды о морских чудовищах и кипящих водах. Сам по себе мыс невелик — но в море он продолжается в виде подводного рифа, тянувшегося на несколько километров. Разбиваясь о скрытую преграду, волны бурно вспениваются, и море «кипит» здесь даже в тихую погоду. Неудивительно, что суеверные мореходы Средневековья боялись этих мест. Эаннеш совершил свое плавание по приказу принца Генриха, прозванного Мореплавателем (1394–1460). В итоге выяснилось, что мыс Бохадор лучше огибать мористее, но дурная репутация его сохранялась и позднее. Только между 1790 и 1806 годами здесь произошло не менее тридцати кораблекрушений. (*Прим. ред.*)

события, случившиеся годом ранее. Папа-итальянец Николай V издал буллу, названную по первым словам «*Dum Diversas*» («Доколе различные...»). Признавая заслуги португальцев, которые затратили огромные усилия и средства на разведку побережья Африки, Церковь официально одобрила порабощение африканцев и установила право португальских королей торговать рабами; оно было подтверждено спустя три года хартией «*Romanus Pontifex*»*.

Стремясь заручиться поддержкой могущественного короля Португалии, папа придал рабовладению такой статус, что впредь все европейцы могли извлекать из этого занятия выгоду, не испытывая чувства вины. Названия «эпоха рабства» историки еще не ввели — но в ретроспективе мы можем видеть, что папские буллы 1450-х годов определили будущее трех континентов и стали началом совершенно новой эпохи.

* Рынки рабов существовали в Венеции и Византии гораздо раньше. Но здесь автор имеет в виду торговлю африканскими рабами, приобретающую массовый и общеевропейский характер. (*Прим. ред.*)

Часть первая

ВОЗРОЖДЕНИЕ БЫЛО НЕ ОДНО

Глава 1

Логика и компромиссы

Между 1100 и 1122 годами император Священной Римской империи и король Англии выступают против папы, а один архиепископ пользуется наукой Аристотеля

Первый крестовый поход окончился — а вместе с ним и век. Спустя восемьсот лет после того, как римский император Константин повел армию против собственного народа под знаком креста, христианские воины переправились через Босфор в составе единой армии веры, настроенные предводителем церкви на борьбу против турок, надвигающихся с Востока. Но не успел крестовый поход успешно завершиться, как христианские рыцари-победители забыли об интересах веры и вернулись к своим делам. В первую очередь они были не сынами церкви, а правителями собственных владений. Быть *христианином*, слугою Господа, помимо прочего, означало быть причастным к *власти*. И этот аспект оставался главным на протяжении следующих четырех с половиной столетий.

* * *

Последствия Первого крестового похода далеко распространились из Сирии, будто круги по воде, захватывая и Восток, и Запад. В Англии трон перешел к незаконному наследнику. Вильгельм II, правивший островом с 1087 года, охотился в лесу; его спутник, опытный охотник по имени Уолтер Тиррел, прицелился в оленя, но попал в короля. Вильгельм рухнул наземь и скончался на месте. Уолтер, вместо того чтобы дожидаться подмоги и объяснить, что случилось (как пишет английский историк Уильям из Мальмсбери), «поспешно вскочил на коня и, крепко подгоняя его шпорами,

умчался прочь. Но его никто не преследовал». Вместо этого остальные охотники, среди них и младший брат Вильгельма II, Генрих, направились прямо в Лондон и короновали Генриха королем Англии. Это было 5 августа 1100 года¹.

Однако Генрих не являлся наследником Вильгельма. Английский престол должен был перейти к старшему брату Генриха, Роберту, герцогу Нормандскому — но тот еще не вернулся из крестового похода. Прежде чем он успел возвратиться в Англию, Генрих вторгся в Нормандию.

Братья сошлись в битве неподалеку от нормандского селения Таншбре; войско герцога Нормандского потерпело поражение, сам Роберт попал в плен и оставался в заключении до конца своих долгих дней. Он так и умер под стражей на девятом десятке. Что касается Генриха I, то он забрал Нормандию себе, сделавшись (как и его отец, Вильгельм Завоеватель) и королем Англии, и герцогом Нормандии. Его царствование, начавшееся с насилия и узурпации, отличалось особым вниманием к законности. Одним из первых актов Генриха стала декларация, получившая название Хартии вольностей. Ее первый параграф гласил, что «святая Церковь Господня» будет неподконтрольна королю, а ее земли не подлежат конфискации. Остальные 13 статей были обращены к населению Англии — в первую очередь к баронам.

Бароны были новорожденной аристократией Англии. Вильгельм Завоеватель наградил своих соратников, разделив завоеванную страну на части и раздав их в качестве владений нормандским рыцарям. Англосаксонская знать — *thegns*, или «тань», — когда-то могла потягаться с королевским родом в могуществе и влиятельности, но войны с завоевателями сильно проредили ее ряды. Теперь те из танов, кому посчастливилось выжить, лишились большинства своих земель, оставшись лишь при крошечных личных наделах².

Однако в отличие от танов, нормандские бароны считались не владельцами полученных земель, а лишь их *держателями*. Вильгельм Завоеватель привнес в Англию новую систему власти: в качестве монарха, то есть единоличного правителя, он провозгласил себя собственником всего королевства. Английские или нормандские земли — все они стали отныне личным владением короля. Бароны же были его «подчиненными», и в обмен на новые поместья они обязаны были предоставлять королю определенное число вооруженных людей: это называлось «долгом службы» — *servitium debitum*³.

Эта система зародилась около X века во Франции, где хаос и беззаконие вынудили бедняков служить своим более зажиточным соседям в обмен за защиту. Система получила название феодальной; суть ее заключалась в том, что право жить на участке земли, возделывать ее и передавать по наследству обуславливалось службой и оброком (денежным и продовольственным). В Англии при Вильгельме Завоевателе все феодалы и их держатели были переписаны чиновниками; в итоге получилась объемистая рукопись в двух томах, прозванная «Книгой Страшного суда». Это был до смешного амбициозный замысел: зафиксировать состояние и принадлежность каждого клочка английской территории. В списке лордов-феодалов англосаксонские имена составляют едва один процент. Все остальные явились в Англию, состоя на службе у Вильгельма*.

Эти-то бароны и были теперь обязаны Генриху исполнять *servitium debitum*. Однако они ревниво оберегали свои привилегии, и потому Хартия вольностей содержит заверения в том, что новый король не будет требовать с них дополнительных платежей, а также не станет препятствовать им распоряжаться своими поместьями как заблагорассудится.

Для короля нормандского происхождения добровольное ограничение собственной власти было весьма нетипично — этот факт свидетельствовал о том, что в XII столетии Англия стояла на пороге новой эпохи. Тем не менее, при помощи Хартии вольностей Генрих ухитрился укрепить свой престол. «Знайте же, что милостию Божьей, — значилось в ее первых строках, — а также по общему согласию баронов всего королевства Английского, я был коронован как король». Генрих был узурпатором, корону он получил лишь благодаря поддержке баронов, и Хартия нужна была ему для того, чтобы удержать их на своей стороне. На самом деле Генрих намеревался сполна пользоваться властью в том объеме, какой вытерпит его народ. И, как выяснилось вскоре, он не преминул перейти пределы, поставленные ему папой.

Папа Пасхалий II, как и его предшественники, настаивал на соблюдении своих прав на *инвеституру* — назначать епископов по всему христианскому миру. Инвеститура давала очень большие возможности: епископы в городах обладали властью над всеми ресурсами церковной системы — землями, казной и людьми. Они имели право, как и мирские графы или герцоги, собирать налоги,

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира. От Константина до первых крестовых походов*. М.: АСТ, 2014. Глава 78.

заниматься строительством, нанимать солдат, и, по сути, создавать собственное государство внутри владений монарха.

Однако, в отличие от графов и герцогов, епископ не мог жениться и передать свои имения наследнику. Поэтому каждый раз, когда епископ умирал, либо у папы, либо у короля возникала новая возможность поставить на это место верного человека, который предоставил бы огромные (и неуклонно растущие) ресурсы в распоряжение своего господина. Генрих в качестве признанного богом монарха Англии, и именем Господа помазанного на царствование, не желал отказываться от этой привилегии. А вот архиепископ Кентерберийский, глава английской церкви, был против. Ансельму Кентерберийскому было около семидесяти во время Первого крестового похода. Это был новатор и интеллектуал-диссидент. Он получил образование в школе при аббатстве Бек, в Нормандии, где преподавал известный ученый Ланфранк; в этом «прославленном очаге знаний, — как пишет английский историк XII века Уильям из Мальмсбери, — ученики надували щеки и брызгали во все стороны диалектикой»⁴.

Под диалектикой здесь следует понимать строгую систему логических правил для анализа и исследования, выработанную Аристотелем. Подобные принципы в XII столетии были новшеством. Духовенство в целом было весьма слабо знакомо с Аристотелем, священникам и монахам были доступны лишь те труды великого грека, которые перевел на латынь римский философ VI века Боэций — но он успел справиться лишь с текстами по логике, прежде чем поссорился с королем остроготов Теодорихом, который приказал отрубить ему голову*. Теодорих всего лишь хотел избавиться от (предполагаемого) изменника. Однако заодно он избавил Запад и от аристотелевской философии. За переводы больше никто не брался в течение следующих пятисот лет, и ученые-монахи Европы знали Аристотеля только как логика. Вдобавок большинство клириков не слишком высоко ценило его учение — ведь оно позволяло думающему человеку без опоры на Священное Писание прийти к логическим выводам, универсально применимым ко всему миру. Аристотель давал возможность найти истину без божьей помощи, он предлагал разум вместо веры.

Ирландский богослов Иоанн Скотт Эригена в IX веке и Беренгар Турский в XI веке уже пользовались категориями Аристо-

* О карьере острогота Теодориха, который стал королем Италии в последнем десятилетии V века, см. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 21.

теля в дискуссии о пресуществлении (то есть о доктрине, утверждающей, что при совершении обряда евхаристии хлеб и вино, оставаясь неизменными по внешнему виду, изменяются по сущности, превращаясь в тело и кровь Христа)*. Другие клирики сурово порицали обоих ученых за то, что осмелились применить метод Аристотеля в теологии. Епископ Труа возмущенно обзывал Эригену «мастером заблуждений», который позволял себе «рассуждать о божественной истине... не обращаясь к высшему, достоверному авторитету Священного Писания», а сочинения Беренгара Турского были осуждены рядом церковных соборов, несмотря на его уверения, что он всегда оставался, по сути, ортодоксальным сыном Церкви⁵.

И все же идеи Аристотеля выжили. Ланфранк, учитель Ансельма, изучал логику в Италии, прежде чем поселился в аббатство Бек: «Он перенес свободные искусства из Италии во Францию... и придал им особый блеск благодаря своему разуму», — сообщает нам Уильям из Мальмсбери. Ланфранк учил своих студентов пользоваться диалектикой как инструментом для более ясного понимания божественных откровений; Ансельм, обучаясь под его руководством, обнаружил, что Аристотелева логика удачно совмещается с направлением его собственных мыслей⁶.

Впоследствии Ансельм сам стал преподавать в аббатстве Бек, и в те годы он все глубже внедрял логику Аристотеля в свои богословские труды. Он осмеливался задаваться вопросом, по какой причине существует Бог, — во времена, когда подобные вопросы никому в голову не приходили. (Это был, как выразился Дж. Р. Эванс, век «почти всеобщей веры».) Более того, он рисковал искать ответы, пользуясь только рациональными доводами. «Я начал спрашивать себя, — писал Ансельм в предисловии к своему сочинению *«Proslogion»*, — можно ли найти *один* аргумент, который не нуждался бы в других аргументах для его доказательства, будучи достаточным сам по себе, и доказывал бы существование Божье, а также то, что Бог есть высшее благо»⁷. «Не нуждался бы в других аргументах для его доказательства» — это формулировка, пред-

* Аристотель различал сущность предмета (*субстанцию*) и его случайные проявления (*акциденцию*). Эта теория требовала полностью пересмотреть понятие пресуществления; средневековые богословы начали разрабатывать «новый аспект следствий из правил, выведенных из *«Категорий»* Аристотеля, согласно которому акциденции по определению могут изменяться (ибо такова природа акциденций), но субстанция остается неизменной». Заинтересованные читатели могут найти более подробное объяснение в книге: G. R. Evans, ed., *he Medieval Theologians* (Wiley-Blackwell, 2001), pp. 90ff. (Прим. авт.)